

«АРЛЕКИН» – ОСТЯЦКИЙ ИДОЛ

В статье рассматривается использование одного из видов иноэтничных атрибутов в традиционной культуре хантов и манси в XVII–XXI вв. – объемной скульптуры (преимущественно русской): привозных игрушек, статуэток, фигурной фарфоровой и стеклянной посуды. В результате исследования установлено, что главным образом эта скульптура применялась для изображения фигур божеств и духов-покровителей, в меньшей степени она входила в обрядовую сферу с магическими целями или в качестве временного замещения жертвы. Бытование русской «игрушки» в традиционной культуре обских угров является достаточно ярким фактом этнокультурного взаимодействия на севере Западной Сибири в Новое и Новейшее время.

Ключевые слова: атрибут, божество, обряд, магия, ритуал, игрушки.

Этнографию издавна привлекали «чудеса и диковинки»; внимание к необычному в культуре другого народа до сих пор подогревает интерес исследователей. Изучая святилища манси и хантов, описывая в них традиционные атрибуты, выполненные носителями культуры (жертвенные покрывала, маски медвежьего праздника, деревянные изваяния божеств, шаманские бубны и др.), неожиданно наталкиваешься на русскую детскую игрушку – солдатика, лошадку, лягушку и даже обычный стеклянный шарик для новогодней елки. Что делают эти «вещи праздника» среди суровых, безмолвных и подчас мрачноватых атрибутов древней языческой религии?

В данной статье мы поговорим об использовании в XVII–XXI вв. в обрядах обских угров иноэтничной (преимущественно русской) объемной скульптуры: привозных игрушек, статуэток, фигурной фарфоровой и стеклянной посуды*. Главным образом эта скульпту-

*Материал для статьи собран в следующих поселках: Ясунт, Хошлог, Хурумпауль, Ломбовож, Турват, Халпауль, Кимкъясуи, Новый (все – манси), Тутлейм, Юхан-курт (ханты) Березовского р-на Ханты-Мансийского автономного окр. (ХМАО); Пашторы, Ванзеват (ханты) Белоярского р-на ХМАО; Вытвозгорт, Нимвозгорт, Овгорт, Хорьер, Карвож, Машпан, Вершина Войкара, Анжигорт, Шурышкар (ханты) Шурышкарского р-на Ямало-Ненецкого автономного окр. (ЯНАО); Зеленый Яр (ненцы, ханты) Приуральского р-на (ЯНАО).

ра применялась у манси и хантов для изображения фигур божеств и духов-покровителей, в меньшей степени она входила в обрядовую сферу с магическими целями или в качестве временного замещения жертвы.

К концу XVII в. относится характерное сообщение о происшествии, случившемся на Оби на судне экспедиции посланника И. Идеса: по его словам, пришедшие остяки увидели нюрнбергскую игрушку – медведя с заводным механизмом, «когда накручивали пружину, медведь бил в барабан, качал головой из стороны в сторону и закатывал глаза... Как только остяки увидели это, они сейчас же совершили все обычные для верующих обряды, стали из всех сил танцевать в его честь, мотать головами, свистеть и шипеть. Они приняли эту игрушку за настоящего... шайтана и говорили: "...Будь у нас такой шайтан, мы бы его всего обвесили соболями и черными лисицами". Они спросили также, не продадим ли мы им эту вещь...» [Идес, Бранд, 1967, с. 99]. Другой участник экспедиции, А. Бранд, вспоминал этот случай несколько по-иному: остякам показали несколько игрушек с заводным механизмом, в их числе оказался барабанщик, который бил палочками по барабану, поворачивал голову и закатывал глаза. Когда «барабанщик доиграл, остяки... начали чмокать губами, бить себя по голове, бросаться на землю и почитали его как... своего шайтана... Затем им был показан такой же медведь, который стоял на задних лапах и бил в барабан... И этому медведю

остяки оказали божеские почести, но... дали понять, что им больше по душе... барабанщик. Они... попросили отдать им барабанщика... за ... большие деньги» [Там же, с. 115].

В XIX в. «инородцы стали приобретать у зырян и русских простые детские игрушки и признавать их за изображения богов»; подобные вещи делали на заказ или покупали на Ирбитской ярмарке [Гондатти, 1888, с. 7, 16]. К концу XIX в. относится сообщение о том, что один из представителей мансийской семьи Бахтиаровых в верховьях р. Лозьвы просил этнографа И.Н. Глушкова привезти оловянную или вообще металлическую фигурку лошади, необходимую вогулам для молений [Глушков, 1900, с. 72].

Для обозначения собственных богов ханты и манси чаще всего использовали приобретенные у купцов фигурки антропоморфов, всадников, коней, медведей, лягушек и птиц.

Антропоморфы. В фондах Тобольского музея хранится детская медная игрушка «арлекин» (ТМ КП 16169, поступила в 1898 г.). Она изображает человека в китайской цилиндрической шляпе; к рукам и туловищу приделаны бубенчики круглой формы. Согласно музейной описи, «арлекин» использовался остяками в качестве идола [Дунин-Горкавич, 1911, с. 47] (рис. 1). «Старинная деревянная русская кукла», служившая изображением семейного духа-покровителя обских

Рис. 1. «Арлекин» – остяцкий идол.

угров, находится в фондах МАЭ (кол. № 1864-18) [Прыткова, 1971, с. 101].

В Ясунте дух-покровитель манси Хозумовых был выполнен в виде большой антропоморфной фигуры: туловище представлено синим халатом, голова – свернутым красным платком с надетым поверх шлемом. Внутри халата в сиреновом платке находилась серебряная с позолотой статуэтка, изготовленная в Тобольске в начале XIX в.: мужчина в колоколовидной шапке, сюртуке с высоким воротником, широким поясом и штанах; руки согнуты в локтевых суставах, левая поднята вверх, правая опущена к бедру. Данная поза и расположение рук напоминают движения мужчин, исполнявших на медвежьем празднике пляску богатырей. Шапка могла быть понята как шлем, серебряный же (по сути священный) облик фигурки, видимо, не оставлял сомнений у манси, что перед ними предок-богатырь. Таким образом, внешняя схожесть и материал, из которого была изготовлена статуэтка, позволили ей органично войти в состав культовой атрибутики манси. Еще одна тобольская серебряная статуэтка начала XIX в. в виде стоящего на восьмиугольном основании мужчины в парчовом халате выполняла роль семейного духа-покровителя хантов р. Полуи; фигурка была одета в несколько миниатюрных суконных халатов [Бауло, 2004, с. 74]. В пос. Суеватпауль Свердловской обл. в чемодане* на чердаке старого дома была обнаружена фарфоровая статуэтка танцующей девушки в одежде из семи платков; по косвенным данным фигурка могла ассоциироваться с обликом *Калтась-экви* – главного женского божества манси [Окно..., 2003, с. 81] (рис. 2)**. В Хурумпауле в сундук была положена стеклянная новогодняя игрушка в виде девушки в сарафане; назначение ее неизвестно (ПМА***, 1985 г.).

Практика использования игрушек в ритуальных целях описана и у северных селькупов: шаман Н.А. Агичев, проживавший в 1954 г. на оз. Вынга-Пур в Пуровском р-не, устроил недалеко от своего жилища святилище, где под лиственницей стояло несколько деревянных изваяний мучивших его духов. Позже к ним прибавились купленные в магазине детские куклы, ставшие для шамана также вместилищем духов. Выезжая в районный центр пос. Тарко-Сале или в пос. Харампур, он возил их с собой в лодке [Прокофьева, 1981, с. 45–46].

*Культовая атрибутика в святилищах манси и хантов обычно хранится в сундуках либо (на современном этапе) чемоданах; традиционно эти вместилища называют священными или святыми. Все упоминаемые далее в тексте чемоданы и сундуки относятся к этой категории.

**Благодарю директора Югорского музея истории и этнографии О.В. Малоземову за предоставленную фотографию статуэтки.

***Полевые материалы автора.

Рис. 2. Фарфоровая статуэтка танцующей девушки – один из обликов мансийской богини.

Всадники. Ряд сыновей верховного бога *Нумиторума* в мифологии обских угров – всадники, «мужчины на лошади»: «Верховьев Иртыша мужчина», «Священного города мужчина», «Середины Сосьвы мужчина» [Молданова, 1999, с. 148], но прежде всего это *Мир-сусне-хум* – «Мир озирающий человек» (он же *Ас-тый-ики*, *Вэрт*, *Урт-ики*, *Мир-вантты-хэ*, *Али-хум* и др.), культурный герой, «младший сынок». *Мир-сусне-хум* покровительствовал человеку с момента появления его на свет. Естественно, почитание этого божества было распространено у обских угров повсеместно. Считалось, что он живет «на юге», в Троицких юртах – неподалеку от места слияния Оби и Иртыша. Для обычного человека (рыбака, охотника, оленевода) было важно постоянное, каждодневное благорасположение к себе со стороны Небесного всадника. Именно с этим связано обязательное наличие в каждом доме жертвенного покрывала с изображениями скачущего всадника или конных статуэток. Нередко последние оказывались русскими игрушками из папье-маше и дерева.

В июле 1934 г. в окружной газете писали о казымском ханте П.К. Молданове, в доме которого «хранился маленький конь, а на спине его верхом сидел маленький мужичок (кукла)» (см.: [Ерныхова, 2003, с. 84]). В Ломбовоже в доме потомка мансийских князцов П.Е. Шешкина среди многочисленной и весьма богатой культовой атрибутики главным фетишем являлось

Рис. 3. Изображение божественного *Вэрта*.

изображение *Мир-сусне-хума* в виде всадника из папье-маше и дерева – кавалериста на белом коне, в красном мундире с эполетами и черном кивере. Хозяева повязали ему вокруг шеи «шарф» из полоски красного шерстяного сукна [Гемуев, 1990, с. 74–76]. Три скульптурных изображения наездника выполняли роль фигуры божества *Вэрта* в домашних святилищах в Тутлейме. В 1997 г. здесь была описана следующая фигурка: конь на деревянной подставке с четырьмя колесиками и всадник в красно-синей шапке, зеленом мундире, синих брюках с красными лампасами [Бауло, 2002, с. 18]. Вторая фигурка была передана жителями поселка в Березовский краеведческий музей: всадник изображен в белых мундире и брюках; лампасы, эполеты и воротник мундира – красные; на голове – высокая шапка. Хозяева «принарядили» своего божественного покровителя в накидку из куска пестрой ткани, к шее коня прикрепили низку крупного бисера с медным бубенчиком на конце (рис. 3). Третья фигурка представляла мужчину в черной повозке, запряженной лошастью (ПМА, 2006 г.). В Пашторах на чердаке дома в большом сундуке находилось изображение *Вэрта* в виде всадника из папье-маше и дерева – детской пишалки [Там же, с. 60]. Еще две фигурки всадников из того же материала (в синем и красном мундирах), обозначившие божество *Мир-вантты-хэ*, были описаны в составе поселковой культовой атрибутики в священном амбарчике Нимвожгорта (ПМА, 2003, 2006 гг.).

Рис. 4. Изображение *Отыр-пыга* – «Сына богатыря».

Рис. 5. Резиновая лошадка, представляющая коня Небесного всадника.

Бога-всадника почитали и в виде металлических конных статуэток. В.Н. Чернецовым опубликована фотография такой статуэтки европейской работы, служившая у манси изображением *Мир-сусне-хума* [1939, с. 35]. Образ *Отыр-пыга* – «Сына богатыря» в домаш-

нем святилище Т.И. Номина на р. Северная Сосьва был передан медной или оловянной фигуркой всадника в кивере, с саблей на боку, попирающего двухголового змея; к всаднику была привязана белая лента (рис. 4) [Гемуев, Бауло, 1999, с. 72]. В Юхан-курте основой одного изображения семейного духа-покровителя служила фигурка лошади, другого – мужчины; внешнее облачение фигур – надетые один на другой халаты. Лошадка на подставке была отлита из олова, мужская фигурка – из свинца, при этом ноги – из серебра. Фигурка всадника ранее была припаяна к спине лошади. Некачественный припой стал причиной разъединения двух частей; в результате их по отдельности использовали как сердцевину фигур духов [Бауло, 2002, с. 32]. Металлический всадник как основа фигуры божества (возможно, *Мир-сусне-хума*) в одежде из трех платков был обнаружен на чердаке старого дома в пос. Суеват пауль Свердловской обл. [Окно..., 2003, с. 81].

«Лошадки». Культа коня в XVII–XXI вв. у обских угров, видимо, не существовало; достоверных сведений об этом мы не имеем. Конь почитался или выделялся среди других животных только как составная часть образа Небесного всадника. Было принято не только приносить коня в жертву, но и подносить фигурки лошадаков в дар младшему сыну верховного бога.

В мансийском святилище *Хонт-торума* в бассейне р. Кемпаж в комплексе предметов, связанных с почитанием *Мир-сусне-хума*, хранился его «конь» – русская фигурка животного из папье-маше. Белый конь был покрыт кусочком зеленой ткани, концы которой завязаны у него на груди [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 72]. Лошадки из папье-маше на подставке с колесиками (XIX в.) обозначали верховное животное *Али-хума* в доме О.Н. Шесталовой в Новинских юртах [Гемуев, 1990, с. 159], в домашнем святилище И.В. Албина в Ломбовоже (ПМА, 2006 г.), в одном из домов Тутлейма (ПМА, 2007 г.), в священном амбарчике в Машпане (ПМА, 2008 г.). Фигурки коней на подставках (вторая половина XX в.) хранились в чемоданах Н.С. Навьюхова в Тутлейме, Е.Д. Молдановой в Ванзевате, на крышке сундука на чердаке дома Ю.А. Молданова в том же поселке, в сундуке Д.И. Лельхова в Пашторах [Бауло, 2002, с. 16, 38, 40, 60]. Среди культовых атрибутов в священном амбарчике недалеко от Хорьера описана резиновая лошадка, обмотанная красным шерстяным шнуром с нанизанными медными кольцами и перстнями (рис. 5); с ней соседствовала плохо сохранившаяся фигурка из папье-маше, напоминавшая ослика (ПМА, 2006 г.). Большая игрушечная лошадка на подставке с колесиками стояла перед ящиками и чемоданом на чердаке дома П.Н. Худи в Зеленом Яре (ПМА, 2002 г.) (рис. 6).

Медведь. *Ем-вож-ики/Ялпус-ойка* – «Старик священного города» считался мифическим предком фратрии *Пор*, основу которой составило доугорское

Рис. 6. Игрушечная лошадка в домашнем святилище на чердаке дома.

(уральское) население Приобья; его почитали в облике медведя. Манси и ханты относятся к медведю как к потомку небесного божества, духу-покровителю, мифическому, историческому и культурному герою, предку фратрии, духу-помощнику шамана, блюстителю клятвы, охранителю границы среднего и нижнего мира и др. [Шмидт, 1989]. Изображения *Ялнус-ойки* хранились в ряде мансийских селений на Северной Сосьве (Нируспауль, Верхнее Нильдино, Анеево) [Kannisto, 1958, s. 212; Гемуев, 1990, с. 125]. В некоторых случаях для обозначения божества использовали винные бутылки (см., напр.: [Шухов, 1916, с. 32]) емкостью 0,7 и 0,5 л в виде сидящей фигуры медведя; на одном из встреченных экземпляров был указан год выпуска – 1888. Эти бутылки обматывали платками, кусками ткани, вешали на горлышко низки медных колец и т.п. Такие изображения *Ялнус-ойки* встречаются в составе культовой атрибутики в Мувгорте (здесь медведь относился к семейным духам-покровителям хантов Лонгортовых), Вытвозгорте, Вершине Войкара (рис. 7), Юхан-курте, Карвоже (ПИМА, 2001–2003, 2007 гг.). Интересно, что во время обряда бутылку использовали и по прямому назначению: из нее в серебряную стопку наливали водку, которую в первую очередь подносили изображению божества.

В Вершине Войкара среди семейных культовых атрибутов находилась детская картонная плоская фигурка медведя в связке из лент и куска медвежьей шерсти. Столь необычный дар был также связан с почитанием божества в облике медведя (ПИМА, 2006 г.).

Лягушка. Одной из дочерей верховного бога *Нуми-торума* (старшей сестрой Среднесосьвинского богатыря) считалась *Хангласам-най-эква*. У нее было семь дочерей, три из которых жили в юртах на Оби. Иногда богиню-покровительницу называли *Нарац-най*, *Порыхпан-эква* («лягушка»), *Хал-эква* («между

Рис. 7. Фигура высшего божества в облике медведя.

Рис. 8. Пластмассовая лягушка – воплощение семейного духа-покровителя.

кочек женщина»); в частности, она выступала тотемом рода Пуксиковых из селения Хангласам [Гондатти, 1888, с. 27; Чернецов, 1939, с. 26; Источники..., 1987, с. 36, 239–240]. Владения *Хангласам-най-эква* простирались на весь бассейн верхнего течения Северной Сосьвы; она считалась хозяйкой ценных пушных зверей – соболя, горноста, бобра и выдры [Ромбандеева, 1993, с. 57]. Богиню-покровительницу на р. Тап звали *Нярс-най-эква*; она была похожа на лягушку [Kannisto, 1958, S. 167]. Записана информация о хранении в XX в. изображения лягушки в рост человека в специальном амбаре и принесении ей жертвы [Соколова, 1971, с. 216]. В домашних святилищах для

обозначения этого божества использовали детские игрушки. В чемодане Н.С. Новьюхова в Тутлейме среди домашних фетишей хранилась резиновая фигурка лягушки, завернутая в платок; считалось, что она приносит удачу в охоте и рыбалке. Игрушка олицетворяла покровительницу Тутлейма *Пажит нэ* [Бауло, 2002, с. 16]. Большая пластмассовая (рис. 8) и маленькая резиновая лягушки, одетые в платки, выполняли роль семейных покровительниц в доме Г.Н. Худи в Зеленом Яре (ПМА, 2002 г.).

Птицы. Многие божества у обских угров имели орнитоморфный облик. Особо почитались в качестве предков-покровителей локальных групп филин, орел, трясогузка, чайка, гагара. Гусиная ипостась была присуща *Калтац-экке* и *Мир-сусне-хуму* [Гемуев, Сагалаев, 1986; Мифология..., 2001; и др.]. По материалам В.Н. Чернецова, на святилище *Йипыг-ойки* – «Филина-старика» недалеко от Халпауля его воплощением являлась фарфоровая фигурка совы фабрики М.С. Кузнецова, завязанная в белый платок вместе с монетами [Источники..., 1987, с. 206]. Фарфоровая солонка-утка производства той же фабрики хранилась в сундуке на чердаке дома Анямовых в Хурумпауле; в данном случае в ней видели опять же «филина» – поселкового духа-покровителя (ПМА, 1999 г.). В другом доме этого поселка серебряная фигурка утки находилась в числе вложений, составлявших сердцевину изображения *Калтац-эквы* [Гемуев, 1990, с. 48]. В Турвате в чемодане лежали три небольшие антропоморфные фигуры, выполненные из хлопчатобумажной ткани светлых тонов; их длина не превышала 30 см. Голова одного из фетишей представляла узел из нескольких платков, в котором находилась серебряная фигурка гуся работы тобольского мастера середины XIX в. [Гемуев, Бауло, 1999, с. 17]. В культовом амбарчике около Хорьера глиняная птичка-свистулька (работа русского ремесленника второй половины XIX в.) служила основой фигуры

семейного духа-покровителя; одежды для нее сшила хантыйская мастерица (ПМА, 2006 г.). В Кимкъясуях в 1999 г. в сундуке Гындыбиных одним из главных атрибутов была детская игрушка-пищалка рубежа XIX–XX вв. – пять раскрашенных гусей из папье-маше на деревянной подставке; хозяйка обвязала игрушку лентой с медными кольцами [Там же, с. 149]; к моменту нашего посещения домашнего святилища в 2006 г. две фигурки гусей были утеряны (рис. 9).

Временное замещение жертвы. Еще один вариант использования русской «игрушки» в обрядах обских угров связан с т.н. временным замещением жертвы. Дело в том, что наилучшей жертвой божествам считалось животное, при этом *Мир-сусне-хуму* полагалось жертвовать коня, а другим фигурам угорского пантеона – оленя (бычка, овцу, петуха и пр.). Подобная жертва часто была обременительна для семейного бюджета, да и далеко не все манси и ханты имели лошадей и оленей, а в летний период последние находились на горных пастбищах Урала. Вместо жертвы можно было положить в «святой» сундук ее имитацию – вырезанную из бересты (картона) фигурку животного; человек, обращаясь к богу с просьбой, давал клятву зарезать лошадь или оленя при первой возможности; берестяные фигурки после жертвоприношения полагалось выбрасывать, но на практике чаще всего они продолжали храниться среди культовых атрибутов [Kannisto, 1958, s. 314]. В исключительных случаях в качестве временного замещения жертвы использовали металлические статуэтки, приобретенные у купцов. Возможно, к этому виду жертвы относятся медные лошадка-замочек и олень, составлявшие вместе с серебряной уткой (см. выше) основу фигуры *Калтац-эквы* в Хурумпауле [Гемуев, 1990, с. 48]. Именно так предположительно можно объяснить нахождение в одном месте сразу трех статуэток: изначально *Калтац-экке* в облике гусыни были преподнесены как временное замещение жертвы фигурки

лошадки и оленя; через какое-то время (по-видимому, в следующем поколении хозяев святилища, когда первоначальный смысл жертвы забылся) группа из трех предметов стала основой для формирования фигуры богини. К категории временной жертвы следует отнести большую медную статуэтку оленя (предположительно вторая половина XIX в.), обвязанную шерстяным шнуром с медными кольцами, которая хранилась у хантов в Шурышкарах [Бауло, 2004, с. 146], а также массивное литое медное изображение лошади из Хошлога (рис. 10). Эта фигурка лошади с колокольчиком на шее вместе с серебряным блюдцем московской работы 1830 г., медными и серебряными монетами 1840–1890-х гг. была завернута в шелковый платок (ПМА, 2008 г.). Таким образом, временную жертву семейному духу-покровителю увеличили за счет

Рис. 9. Игрушка «Гуси» из домашнего святилища манси.

Рис. 10. Медная лошадка.

дополнительных подношений. При этом соседство фигурки животного и серебряного блюда могло быть отголоском древнего обычая подносить (и вкушать) мясо жертвенного животного только на металлической посуде, о чем писал В.Н. Чернецов [1947, с. 120].

Магические обряды. Последний из рассматриваемых в статье вариантов использования игрушек и бытовой скульптуры связан с преподнесением их божествам с магическими целями, в основном для обеспечения благоприятного промысла и успешного ведения хозяйства. В Ломбовоже в сундуке манси находилось скульптурное изображение человека, идущего за мулом (?), выполненное из жести (предположительно рубеж XIX–XX вв.). Фигурку животного обмотали шерстяным шнуром (рис. 11) и поднесли семейному духу-покровителю с просьбой о сохранности стада, при этом понимались все домашние животные: корова, овцы и лошадь (ПМА, 2006 г.). В Юхан-курте на рубеже XIX–XX вв. семейному божку были пожертвованы металлические рыбки (по-видимому, футляры для хранения иголок с надписью «Знак любви») – благополучие местного населения всецело зависело от рыбного промысла (ПМА, 2008 г.) (рис. 12).

* * *

Мы рассмотрели практически все известные варианты использования у манси и хантов игрушек, металлических статуэток и фигурной посуды для обозначения божеств и духов-покровителей, в каче-

Рис. 11. Жертвенный дар духу-покровителю с просьбой о сохранности стада.

Рис. 12. Металлические рыбки – залог успешного рыбного промысла.

стве временного замещения жертвы или жертвенного дара с магической целью. Два подобных случая зафиксированы у ненцев: в пос. Зеленый Яр на р. Полуй они проживают среди северных хантов, заключают с ними браки и заимствовали многие особенности религиозной практики.

Можно выделить несколько причин бытования подобных «диковинок» в традиционной культуре обских угров. Во-первых, основой вхождения игрушек, статуэток и фигурной посуды в обрядовую сферу чаще всего было их совпадение с обликом одного из божеств: всадника, медведя, птицы, лягушки. Именно совпадение; точное видовое определение изображенного в игрушке персонажа не играло ключевой роли. Важна, к примеру, птичья ипостась (в сказаниях вогулов рубежа XIX–XX вв. фигурируют «крыльями летающие» и «ногами

бегающие» духи-покровители [Kannisto, 1958, s. 130]), а филин это или утка – не было главным для включения статуэтки в разряд культовых атрибутов даже при почитании в качестве тотемного предка определенного вида птицы (орла, чайки, филина и пр.)*.

Необходимо напомнить, что в обрядовой практике обских угров еще в эпоху средневековья использовались металлические статуэтки – местные (уральские) полые бронзовые фигурки животных и птиц, а также поступившие с Востока серебряные скульптурные изображения (слона, головы чудовища, девушки с головой антилопы в руках и др.) [Анучин, 1893; Сокровища..., 1996; Бауло, 2004]. Русская «игрушка» продолжила эту традицию.

Во-вторых, согласно канону, большинство манси и хантов не имели права изготавливать культовые атрибуты; только «посвященные» лица могли заниматься поделкой бубнов, жертвенных покрывал, деревянных изваяний и пр. Но нужда в фетишах – личных или семейных – была постоянной. Поэтому за символическую плату (обязательно!) заказывали «божка» другому человеку [Гемуев, 1990, с. 168] или же покупали «божка»-игрушку у проезжего купца.

В-третьих, у ряда локальных групп обских угров существовал запрет на изготовление фигур высших божеств. По информации А. Каннисто, вогулы верховьев Лозьвы могли делать (фактически вырезать из дерева) только изображения лесных духов *менкво*, но не духов-покровителей (*пупыг*) или *Мир-сусне-хума* [Kannisto, 1958, s. 208]. В этом случае хорошим подспорьем выступала русская «игрушка».

Превращая покупные изделия в изображения собственных божеств, манси и ханты дополняли их необходимыми деталями: шарфами и накидками, лентами, медными кольцами, одевали в платки и платья, т.е. адаптировали бытовые вещи к религиозной сфере. Вхождение русской «игрушки» в традиционную культуру обских угров является достаточно ярким фактом этнокультурного взаимодействия на севере Западной Сибири в Новое и Новейшее время.

Список литературы

Анучин Д.Н. Древний серебряный остяцкий идол, изображающий слона // Археологические известия и заметки. – 1893. – № 3/4. – С. 1–9.

Бауло А.В. Культовая атрибутика березовских хантов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – 92 с.

*Подобная ситуация характерна и при использовании в ритуальной сфере образцов древнего бронзолитейного производства: в двух статуэтках – медведя и мелкого пушного зверька – ханты увидели своего тотемного предка – волка (ПИМА, 2005 г., Анжигорт, Шурышкары).

Бауло А.В. Атрибутика и миф: металл в обрядах обских угров. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 160 с.

Гемуев И.Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. – Новосибирск: Наука, 1990. – 232 с.

Гемуев И.Н., Бауло А.В. Святилища манси верховьев Северной Сосьвы. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 240 с.

Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси: Культовые места. XIX – начало XX в. – Новосибирск: Наука, 1986. – 190 с.

Глушков И.Н. Чердынские вогулы // Этнографическое обозрение. – 1900. – Т. 15, вып. 2. – С. 15–78.

Гондатти Н.Л. Следы языческих верований у инородцев Северо-Западной Сибири. – М.: [Тип. Потапова], 1888. – 91 с.

Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. – Тобольск: [Губерн. тип.], 1911. – Т. 3. – 51 с.

Ерныхова О.Д. Казымский мятеж: Об истории Казымского восстания 1933–1934 гг. – Новосибирск: Сиб. хронограф, 2003. – 160 с.

Идес И., Бранд А. Записки о русском посольстве в Китай. – Иркутск: Наука, 1967. – 404 с.

Источники по этнографии Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1987. – 280 с.

Мифология манси / А.В. Бауло, И.Н. Гемуев, А.А. Люцидарская, А.М. Сагалаев, З.П. Соколова, Г.Е. Солдатова. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 196 с.

Молданова Т.А. Орнамент хантов Казымского Приобья: семантика, мифология, генезис. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1999. – 261 с.

Окно в мифологическое время: Сибирский шаманизм XIX–XXI вв.: каталог выставки. – М.: Трилистник, 2003. – 128 с.

Прокофьева Е.Д. Материалы по шаманству селькупов // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. – Л.: Наука, 1981. – С. 42–68.

Прыткова Н.Ф. Один из источников изучения одежды народов Сибири // Сб. МАЭ. – 1971. – Т. 27. – С. 101–112.

Ромбандеева Е.И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура. – Сургут: Северный дом, 1993. – 208 с.

Соколова З.П. Пережитки религиозных верований у обских угров // Сб. МАЭ. – 1971. – Т. 27. – С. 211–238.

Сокровища Приобья. – СПб.: Гос. Эрмитаж, 1996. – 228 с.

Чернецов В.Н. Фратриальное устройство обско-югорского общества // СЭ. – 1939. – № 2. – С. 20–42.

Чернецов В.Н. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье // ТИЭ. Нов. сер. – 1947. – Т. 1. – С. 113–134.

Шмидт Е. Традиционное мировоззрение северных обских угров по материалам культа медведя: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1989. – 18 с.

Шухов И. Река Казым и ее обитатели // Ежегодник Том. гос. музея. – 1916. – Вып. 26. – С. 1–57.

Kannisto A. Materialien zur Mythologie der Wogulen // Mémoires de la Société Finno-ougrienne. – Helsinki, 1958. – Vol. 113. – 444 s.